



Андрей Дашков

Мечты сбываются

«Автор»

Дашков А. Г.

Мечты сбываются / А. Г. Дашков — «Автор»,

ISBN 978-5-457-10377-1

В каждом – каждом! – из вас живет Мрак. Что-то темное, страшное, мерзкое, могущественное. То, что до поры до времени затаилось у вас в душе, как ядовитый черный тарантул, плетущий внутри вас свою паутину. Паутину ужасов – и желаний. Желаний, которые – поверьте! – много ужаснее ужасов. Что же случится, если однажды такие желания исполнятся? Что случится с близкими вам? Что случится с вами?

ISBN 978-5-457-10377-1

© Дашков А. Г.
© Автор

Содержание

Андрей ДАШКОВ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Андрей Дашков. Мечты сбываются

Андрей ДАШКОВ

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

Четвертое июля было особым днем. Во-первых, Ф. уезжал на отдых с женой и дочерью. Он мечтал об отпуске года три. Во-вторых, это был праздник большей части прогрессивного человечества. Но если Америка получила в этот день независимость, то Ф. ее потерял. Это случилось ровно десять лет назад. Все-таки юбилей... И, наконец, четвертого июля он вдруг осознал, что мог бы убить свою жену.

Он понял это, стоя в душном тамбуре вагона, посасывая сигаретку и глядя на пыльные окраины родного города, проплывавшие за не менее пыльным окном. Он вспоминал фразу, презрительно брошенную женой, когда они торчали на перроне в ожидании поезда. Что-то о людях второго сорта, которым не суждено стать солью земли. Как ни пытайся, как ни тянись, как ни выпрыгивай из штанов. Это о нем.

Ф. промолчал. Он только бросил взгляд на ее стройные ноги, большую грудь, смазливое личико и вдруг прочел мысли жены так же ясно, как если бы они были титрами на экране ее мозга-телевизора, принимавшего один-единственный канал, по которому круглосуточно шла бесконечная «мыльная опера». ТАМ было все, что положено: белые «мерседесы» и розовые фламинго, красивые виллы, красивые яхты, рулетка, красивые металлокерамические зубы, умопомрачительные драгоценности, рестораны, ночные клубы, отсутствие серых будней, вечный праздник жизни, красивые и богатые друзья с изысканными манерами, красивые наряды от известных кутюрье, пляжи, пальмы, коктейль-парти, гольф, бассейны, отели, тонкий флирт, изящные интриги – самая увлекательная игра на свете, и, конечно же, молодость, продлеваемая настолько, насколько хватит фантазии для сочинения новых «серий», что само по себе тоже КРАСИВО (одно из ее любимых словечек). А в титрах, выросших до огромных размеров, занявших весь экран и повторявшихся беспрерывно, появился неутешительный итог: она ПРОДЕШЕВИЛА.

Эта ужасная мысль не давала ей покоя. Это было равносильно признанию непоправимой ошибки. Это означало, что жизнь прожита напрасно. Грубо говоря, псу под хвост.

Но грубой жена Ф. не была никогда. О нет. Она вливала свой яд в его уши маленькими, не смертельными и почти незаметными дозами. Однако яд накапливался в течение десяти лет. И четвертого июля Ф. почувствовал, что отравлен.

Это стало неожиданностью для него самого. Разве он не привык к ее обидным замечаниям, намекам, попыткам уязвить, коснуться самых больных мест, задеть самолюбие – и все сделать тихо, без ссор и скандалов, с улыбочкой, в высшей степени «интеллигентно» (иногда даже с добавлением словечек «милый», «дорогой», «любимый»?.. Она ни разу не дала ему повода выяснить отношения.

Само собой, возникал резонный вопрос: «Ну а убивать-то зачем?» Недолгая возня в суде, раздел имущества, развод – и гуляй. Но не все так просто. Некоторые люди одним фактом своего существования заставляют других ощущать собственную несостоятельность. И это не комплекс неудачника, не маниакальная потребность в самоутверждении (ну, может быть, совсем чуть-чуть). Это холодное, трезвое понимание: жена – запрограммированная игрушка. Знакомая, красивая, очень дорогая игрушка. Но что-то случилось с программой; игрушка испортилась. Нет-нет, внешне все в порядке, а вот с речью и с мыслями что-то не так... И, самое обидное, ее уже нельзя починить. Ее можно только сломать. В противном случае она будет без конца повторять, будто заезженная пластинка, все то, что он выучил

наизусть за последние несколько лет: «Я хочу жить, как люди. Жизнь коротка. Я хочу успеть. Я еще молода. Я нравлюсь мужчинам. Я хочу жить, как люди. Я... Я... Я...».

Невыносимо.

Он бросил окурок и посмотрел вниз, в засасывающее пространство между вагонами – туда, где мелькали шпалы и грохотала сцепка. Если бы жена была здесь... Один, не очень сильный, толчок – и свобода. Внутренняя свобода. Придется, конечно, пережить несколько неприятных дней. Представляете – несчастный случай! Протоколы, экспертиза, похороны. Опять же, теща со своей дурацкой въедливостью... Он переживет, хотя и будет удручен. На кладбище он уронит скупую мужскую слезу. В его шевелюре, возможно, даже добавится несколько седых волос. Дочка? Он воспитает ее как следует. Влияние жены пока еще преодолимо, хотя шестилетнему ребенку нравится все то, что любит мамочка и что так ненавидит папочка. Тихо и робко ненавидит. В глубине души.

* * *

...Перед тем, как нырнуть в горячий ад купе, он еще раз посмотрел на город, превратившийся в скалистый силуэт на горизонте, и мысленно попрощался с ним. Город несбывшихся надежд и растраченных иллюзий...

Тоска сжала сердце, словно Ф. уезжал не на четыре недели, а навсегда. «Что это со мной? Неужели становлюсь сентиментальным? Плохо, ой как плохо...» Сентиментальный человек уже не сможет обрубить канаты и освободиться от якорей, намертво удерживающих вблизи от бесплодного берега. Наоборот, свобода и жизненные штормы пугают его, а все ложные привязанности внушают ему умиление... Хотя куда ему плыть, и какой он, к черту, «корабль»? Баржа без двигателя и руля – старая металлическая речная баржа, доверху набитая шлаком и стоящая на приколе. И даже река, по которой он «плавал», давно пересохла...

Город распластался по земле – раскаленный, выжженный лучами безжалостного июльского солнца. Даже небоскребы казались издали оплывшими шоколадными батончиками. «А может, это жара так на меня действует? – подумал Ф. – Вот доберемся до места, расслабимся в тени; вечером побольше холодненького пивка, и все снова станет на свои места...» Не помогало. Он по-прежнему хотел избавиться от своей жены.

Ф. с трудом разминувшись с толстой проводницей и вошел в купе. Дочка доедала растаившее мороженое. Белая вязкая жижа стекала по ее подбородку и рукам, капала на пол. Жена листала иллюстрированный журнал, на страницах которого было полно красивых людей со счастливыми улыбками. У нее хватало ума, чтобы презрительно относиться к рекламе, но она свято верила «серьезным» или «аналитическим» статьям, помещенным в женских журналах. Чем дороже журнал, тем больше доверия...

Ф. поморщился, достал из сумки черновик своей диссертации и устроился напротив жены. Но сосредоточиться на «процессах дугогашения в камерах с деионными решетками» не удавалось. От молчаливой супруги веяло зловещим холодком. Дочка облизывала липкие пальчики.

Ф. отложил черновик и уставился прямо перед собой. То есть – на гладкие, покрытые ровным светло-шоколадным загаром ноги жены. Изумительные ноги. Глядя на них, Ф. думал, до чего же глупо устроены самцы. Вот взять его, например. Ради того, чтобы два-три раза в неделю в течение нескольких минут держаться за эти роскошные ляжки, он пожертвовал друзьями, карьерой, своим личным временем и привычками, продал родительский дом, с которым было связано много прекрасных воспоминаний, работал как каторжный и примерно так же отдыхал. Соблюдая какие-то нелепые «приличия», он бывал с нею в чуждых

ему компаниях, ходил в гости к людям, с которыми ему было не о чем говорить, сопровождал ее на концерты, во время которых ему хотелось заткнуть уши, покупал «бестселлеры», делая их еще большими «бестселлерами», чтобы ей было о чем болтать в обществе таких же пустозвонов, как она сама, и смирился с мещанскими салфеточками и вазочками, плодившимися в его квартире с невероятной быстротой. А как насчет общих интересов, о которых болтают психологи? «Деионные решетки»? О Господи! – она и слов-то таких не знала! Сексуальная совместимость? И это тоже, оказывается, имело срок годности, по истечении которого в спальне начинало пахнуть тухлыми яйцами...

Заскучавшая дочка заныла и стала приставать:

– Папа, поиграй со мной! Ну пожалуйста...

Он предложил ей на выбор шахматы, карты, домино. О детских книжках он даже не заикался. Все равно бесполезно – это поколение не интересовалось книжками.

– Давай играть в бутик, – сказала дочка после того, как отмела его предложения одним взмахом ручки.

– Во что?!

– В бутик. Ну, разве ты не понимаешь, это такой магазин...

Он вздохнул.

– Поиграй с мамой.

– Мама занята, – откликнулась жена, не вынимая лица из журнального разворота.

– Чем же ты, черт возьми, занята? – спросил Ф. очень тихо. – Что там, модный фасон трусиков?

Она подняла голову, смерила его взглядом и процедила, окатив волной ледяного презрения:

– Эти трусики тебе не по карману... дорогой мой.

Ф. расхохотался. Слава богу, на трусики ему было плевать. Существовало нечто действительно важное, кроме всей блестящей мишуры, к которой тянулась ее примитивная душа, несмотря на тщетные попытки воспарить и приобщиться к скользкому миру искусства. Существовало также нечто, кроме суетливого «праздника», которого жаждал ее поверхностный, своеобразно устроенный ум, предназначенный, кажется, исключительно для того, чтобы побеждать в словесных пикировках. Достоинство – вот это у нее было. Даже с избытком. Правда, та разновидность достоинства, неотличимая от мелкого тщеславия, которая является порождением сиюминутного успеха среди себе подобных. «Но если рядом не будет посредственностей, в толпе которых ты блистаешь, и если содрать с тебя всю эту дорогую одежку, которую ты носишь, как броню, то что от тебя останется, пустая ты кукла?!» – Ф. задал этот вопрос про себя, потому что неоднократно задавая его вслух, не получал ответа. Вернее, ответом был все тот же презрительный взгляд: «Что ты понимаешь в женщинах? И что ты понимаешь в жизни?..»

* * *

На нужную станцию поезд прибыл в семнадцать часов. Жара спала, хотя солнце еще стояло высоко. Ф. поздравил себя с тем, что пансионат находится сравнительно недалеко. Длительной поездки в газовой камере, которую представляло собой непрветриваемое купе с наглухо закрытым окном, он попросту не выдержал бы. Жена красноречиво промакивала салфеткой капельки пота, выступившие на безупречной коже ее лица. За своим лицом и телом она ухаживала тщательно и берегла их, как банковский вклад, который когда-нибудь

начнет приносить проценты, если, конечно, банк солиден и надежен. Похоже, в этом она ошиблась. Поставила не на ту лошадку. Ф. искренне ей сочувствовал. Ведь он ошибся тоже.

Они спустились на перрон, и поезд тронулся, породив горячий ветер и потревожив вековую провинциальную пыль. Впрочем, новшеств и тут хватало. Репродуктор, укрепленный на крашеной стене одноэтажного здания вокзала, орал дурацкую песенку-однодневку. Предвыборные плакаты обещали райскую жизнь. Одуревшие собаки лениво развалились в тени скамеек. Из окошка киоска, торговавшего напитками, торчала неподвижная рука спящего продавца.

– Захолустье, – категоричным тоном вынесла приговор жена и широко зевнула, показав пломбы (поскольку рядом не наблюдалось людей с «манерами», то нечего было и церемониться). – Как и следовало ожидать.

– Зато отдохнем на природе, – сказал Ф. с наигранной бодростью и отчего-то тут же вспомнил их совместные прогулки до свадьбы на лоне этой самой природы. По вечерам он читал ей стихи. Подумать только, стихи! Каким невероятным слепцом он был! Сейчас, при мысли о нелепости своего поведения, хотелось зажмуриться и потрясти головой, отгоняя позорное прошлое. Но ей-то зачем нужно было слушать его? Что это – бессмысленное притворство?

Самоутверждение? Ведь не могла же она притворяться постоянно, каждую секунду, каждое мгновение, пока находилась с ним рядом? Ведь она тоже чувствовала что-то похожее, пока он влюбленно лепетал, пуская романтические слюни под кустом цветущей сирени? А иначе зачем весь этот дурацкий цирк? Неужели тогда она еще верила в то, что ради ее ляжек человек второго сорта сможет, работая локтями и зубами, забраться повыше даже против собственного желания? И чего она ждет теперь? Почему не уходит, забрав свое чадо? Цепляется за призрачное благополучие? Сама-то она – ноль без палочки. Не создана для настоящей работы. Слишком изнежена. Слишком ленива. Слишком ЧУВСТВИТЕЛЬНА. Она якобы предназначена исключительно для роскоши и любви. Промахнулась с эпохой. Ей бы на лошадках ездить и на балах плясать. Или в воланы играть с офицерами... Ту мелочь, которую зарабатывала, она тратила только на себя. На белье и косметику. Он не упрекал ее ни в чем. Какой смысл? Они просто были людьми из разных измерений. Лучше бы им вообще не видеть друг друга. Но сейчас расставание уже не поможет. Все зашло слишком далеко.

...Они вышли на привокзальную площадь. Площадь – одно название. Скорее пустырь с проплешинами асфальта, окруженный хороводом чахлах акаций. Посередине памятник, загаженный голубями, – это обязательно. На другой стороне – почта, универсальный магазин, кинотеатр. На доске для афиш пусто. На городской доске почета – тоже.

Ф. ожидал увидеть автобус, который должен был отвезти прибывших в пансионат, но, похоже, прибывших оказалось всего трое. Он, жена и дочка. Поезд пришел вовремя, значит, автобуса не будет. Ф. буквально ощутил, как задышала его супруга. Возбужденно и торжествующе. Мол, что теперь делать, кретин?

Он знал, что делать. Мелкие неприятности до некоторых пор были неспособны вывести его из себя. Однако утром четвертого июля кое-что изменилось, кое-что сместилось в его напряженно работавшем мозгу. Нарушилась некая связь, ослаб фиксатор, сгорела обмотка, замкнулся контакт, какая-то шестеренка стала раскручиваться и крутилась все быстрее и быстрее, угрожая вдребезги разнести весь хрупкий механизм...

Машину он нашел только спустя двадцать пять минут, изрядно помотавшись по улицам. Обитатели городка были погружены в спячку, от которой их не пробуждал даже шелест купюр. Ф. не видел ни одного такси и в конце концов договорился с полупьяным пожилым инвалидом, что тот отвезет его семейство в пансионат за четыре бутылки водки. Принять денежный эквивалент четырех бутылок инвалид наотрез отказался. У Ф. не было с собой даже одной, и он надеялся отовариться где-нибудь по пути. Вначале он, правда, сомневался,

стоит ли связываться с одноногим, однако тот уверенно ковылял на протезе, да и выбора не оставалось. Несколько позже Ф. убедился в этом.

Когда они подкатили на дребезжащей колымаге к его «девочкам», жена

Ф. приняла стоический вид. Пока муж застилал грязное заднее сиденье бумагой, она уговаривала дочурку потерпеть. Инвалид нагло паялся на нее и блаженно ухмылялся, очевидно, в предвкушении четырех «пузырей». Потом заявил:

- Нехай твоя баба садится спереди.
- Нет, мужик, – отрезал Ф., проявив твердость. – Впереди сяду я.
- Ага. За штурмана, значит, будешь? Ну-ну, тебе видней...

* * *

Дорога пролежала через лес. Что-то мешало Ф. наслаждаться пением птичек и свежей (не то что в городе!) зеленью. Может быть, странное ощущение безлюдья, которое охватило его, как только крыши одноэтажных домишек скрылись из виду. Сама дорога оказалась на удивление гладкой, однако ни встречных, ни попутных машин на ней не было. Судорожные выхлопы развалюхи нарушали девственный покой, и птичий гомон отступал куда-то в глубь леса, превращаясь в недобрый звенящий фон на пределе слышимости. Лишь однажды, когда они отъехали на десяток километров, Ф. заметил указатель со старой, полустершейся надписью «Пионерский лагерь». Название лагеря было неразличимым.

Он обернулся. Дочка заснула, положив голову на бедро матери. Жена надела темные очки, и определить визуально, каково ее настроение, стало нелегко. Однако Ф. еще не научился улавливать флюиды – для этого ему не нужно было видеть глаза своей благоверной.

Она была раздражена. Он и сам был раздражен тем, что с самого начала все пошло немного не так, как ему описывали в агентстве, когда он приобретал путевочки. Впрочем, он привык к разочарованиям в большом и в малом. И потому не ждал ничего особенного от пансионата и предстоящего отдыха. Готовился к худшему. Например, к тому, что в забронированном коттедже не окажется воды. Ни горячей, ни холодной. Или не будет газовой печки. Или двуспальной кровати. А пляж – за шесть километров. Вид из окна – на свалку. Соседи – идиоты, с раннего утра врубающие попятину на полную громкость... А можно вообще сегодня никуда не попасть, если сломается колымага или закончится бензин...

Потом он обнаружил, что предаваться мазохизму иногда даже полезно – так быстрее проходит время. Поддатый инвалид пообещал, что довезет за сорок минут. Тридцать пять уже прошло, но впереди по-прежнему не было никаких признаков цивилизации, кроме самой дороги. Ни деревень, ни домов отдыха, ни машин. Ф., который причислял себя к подвиду «генетических горожан», становилось неудобно. Впору вообразить всю компанию последними людьми на планете, чудом уцелевшими после какого-нибудь глобального катаклизма. Ну и народец подобрался! Что ж это тогда выходит: он – Адам, а его женушка – Ева? Да еще этот змей-искуситель с залитыми глазами, сгорбившийся за рулем. И вдобавок невинное дитя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.